

ПУБЛИКАЦИИ

«СОЮЗОМ БОЯЗНИ СВЯЗУЕМ...» (ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ ПРИЛУЦКОГО К АЛЕКСЕЮ АФАНАСЬЕВИЧУ ДМИТРИЕВСКОМУ (1908–1927 ГГ.))

В настоящей публикации представлены письма профессора Киевской духовной академии Василия Дмитриевича Прилуцкого (с 1910 г. священника) к бывшему учителю по академии профессору А. А. Дмитриевскому. Она продолжает цикл публикаций архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью знаменитого русского литургиста и востоковеда А. А. Дмитриевского.

Сохранившиеся письма сосредоточены в двух временных периодах: январь — октябрь 1908 г. и весна 1926 г. — весна 1927 г. В первом блоке писем отражены проблемы, связанные с жизнью высшей духовной школы в период между двумя революциями (1905 и 1917 гг.) и их преломление в жизни Киевской академии. В этой непростой ситуации делались первые шаги научной и учебной деятельности автора писем, сочетавшие характерные черты начинающего преподавателя духовной школы и особенности формирования молодого литургиста.

Второй блок писем связан с иной эпохой: российская высшая духовная школа уже прекратила свое существование, церковная жизнь в Киеве подвергалась гонениям, закрывались храмы, уходили из жизни члены бывшей академической корпорации. Но вопреки тяжелым условиям, арестам и смерти православный Киев жил, совершалась Литургия, в храмах звучало слово Божие, духовенство сохраняло и наставляло

свою паству. Как и прежде, примером научного подвижничества для выпускников академии оставался их учитель А. А. Дмитриевский, не прекращавший исследований и даже решившийся на издание долгожданных для всех учеников и бывших коллег лекций по литургике — итога многоплодного научного пути самого Дмитриевского и фиксации научно-литургической традиции начала XX в. В представляемых письмах содержатся сведения, интересные и важные для историков Церкви, духовной школы, богословской науки.

Публикуемые письма находятся в архивном фонде А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Ключевые слова: *протоиерей Василий Прилуцкий, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, Киевская духовная академия, богословское образование, историческая литургика.*

Автор публикуемых писем — бывший профессор Киевской духовной академии Василий Дмитриевич Прилуцкий, будущий протоиерей. Адресованы письма его бывшему учителю по академии и предшественнику по кафедре Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому. Протоиерей Василий Дмитриевич Прилуцкий (1883–1936) был одним из ближайших учеников «многочадного» Дмитриевского — мало кому из профессоров духовных академий удалось вырастить столь мощную по количеству и заметную по качеству плеяду учеников: 7 магистров, около 60 кандидатов богословия... Но именно Василий Прилуцкий оказался преемником великого литургиста по кафедре в КДА.

Так как настоящая публикация продолжает цикл публикаций архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью знаменитого русского литургиста и востоковеда А. А. Дмитриевского, его жизнеописание приводить уже не имеет смысла. Но на судьбу его ученика, их взаимоотношения следует обратить особое внимание. Несмотря на участие Прилуцкого во многих важных церковных деяниях его эпохи, специальному изучению его судьба и наследие доселе не подвергались, а многие моменты еще остаются тайной.

Василий Дмитриевич Прилуцкий родился 12 января 1883 г. в Рязанской губернии в семье сельского диакона¹. Его образовательный путь складывался традиционно для представителя духовного сословия, хотя

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 2184. Формулярный список о службе священника В. Д. Прилуцкого. Л. 1 об.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

в начале XX в. эта традиция уже не была столь однозначна. В 1903 г. Василий Прилуцкий окончил Рязанскую ДС и, как лучший выпускник, был отправлен на казенный счет в КДА. Это было решающим событием для судьбы молодого богослова, определившим всю его дальнейшую жизнь, ибо в академии он встретил А. А. Дмитриевского и богослужение стало как любимым предметом изучения, так главным нервом и единственной любовью всей жизни. В 1907 г. Василий Прилуцкий окончил КДА — вполне успешно, с правом защищать магистерскую диссертацию без дополнительного экзамена, но 6-м по разрядному списку. Разумеется, кандидатское сочинение он писал под руководством А. А. Дмитриевского и по предложенной последним теме — о частном богослужении в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в.²

Несмотря на то, что в академии оставляли для подготовки к профессорским кафедрам двух первых по списку выпускников, по ходатайству А. А. Дмитриевского Прилуцкого оставили на 1907/08 уч. г. сверхштатным профессорским стипендиатом при кафедре церковной археологии и литургики. Это было промыслительным шагом, ибо в течение этого «стипендиатского» года сам учитель принял решение об оставлении академии, и именно Василий Прилуцкий оказался его преемником. На кафедру претендовали и другие ученики А. А. Дмитриевского, но обстоятельства сложились в пользу Прилуцкого — разумеется, много значило и мнение самого Дмитриевского, высказанное в пользу одного из своих последних по времени учеников. Таким образом, летом 1908 г. Василий Прилуцкий стал преемником А. А. Дмитриевского, и КДА получила в его лице ревностнейшего литургиста, теоретика и практика, хотя и немало страдавшего от своего недостойнства в сравнении с великим учителем, с которым он был связан всю жизнь «союзом боязни»³. В дальнейшем, когда новым Уставом духовных академий 1911 г. занимаемая Василием Прилуцким кафедра была разделена на две — отдельно церковной археологии и литургики — он без колебания занял последнюю.

Молодой преподаватель не ограничивался чтением лекций, но во время богослужения неизменно присутствовал на клиросе со студен-

² Отзыв А. А. Дмитриевского о сочинении Василия Прилуцкого на тему: «Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в.» // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии (далее: ИПС КДА) за 1906/07 уч. г. Киев, 1907. С. 437–440.

³ ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 600. Л. 22.

тами, помогая ориентироваться в богослужебных книгах, занимаясь практическим обучением чтению и пению. Эта практика имела плоды: несмотря на общее ослабление богослужебного интереса студентов академий, отмечаемое всеми современниками после 1905–1907 гг., студенты КДА все же имели успехи в этой области. Как писал инспектор академии Д. И. Богдашевский: «Поют и читают великолепно! Спасибо В. Д. Прилуцкому»⁴. 30 октября 1910 г. Василий Прилуцкий с разрешения митрополита Киевского Флавиана (Городецкого) был рукоположен в сан диакона целибатом, на следующий день — в сан священника и пополнил ряды академического духовенства, служившего в Киево-Братском монастыре⁵. Его любовь к уставу, стремление к его полноценному исполнению увлекала и студентов: так, иерей Василий был одним из организаторов знаменитой «идеальной всенощной», которая была отслужена в Свято-Духовской церкви Киево-Братского монастыря 10 ноября 1912 г.

Первые годы преподавания — очень непростые для молодого премника блестящего ученого и лектора — задержали переработку кандидатского сочинения до уровня магистерской диссертации. Но все же осенью 1911 г. о. Василий представил в Совет завершённую рукопись, которая была признана удовлетворительной для степени магистра, через год рукопись была издана в виде монографии⁶. Наконец, в декабре 1912 г. иерей Василий защитил магистерскую диссертацию⁷, а указами Святейшего Синода от 14 и 16 февраля 1913 г. был утверждён Синодом в степени магистра и должности экстраординарного профессора⁸.

16 сентября 1914 г. иерей Василий был временно назначен настоятелем Спасо-Преображенского единоверческого храма на ул. Обсерваторной⁹. Выбор митрополита Киевского Флавиана (Городецкого) был

⁴ Письмо инспектора КДА Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому от 5 октября 1909 г. («Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...») (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / *вступ. ст., публ. и примеч. Н. Ю. Суховой* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 91).

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 2184. Л. 2 об.; 3 об.

⁶ ИПС КДА за 1912/13 уч. г. Киев, 1913. С. 123.

⁷ Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев, 1912.

⁸ ИПС КДА за 1912/13 уч. г. Киев, 1913. С. 233–234.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 2184. Л. 6 об. – 7 об.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

вполне понятен: место служения было непростое, молодой энергичный священник, любивший старинное богослужение и при своих посещениях Москвы нередко ходивший на службы в Никольский единоверческий мужской монастырь, был в этой ситуации находкой. Так как митрополит Флавиан относился с большим уважением к А. А. Дмитриевскому и нередко спрашивал его совета в литургических вопросах, прислушивался к мнению опытного профессора и при решении иных проблем, можно предположить, что этот выбор был сделан не без совета последнего. Отметим лишь, что выбор был, видимо, удачен. На II Всероссийском съезде православных старообрядцев (единоверцев), который состоялся в июле 1917 г. в Нижнем Новгороде, предполагалось создание Киевского единоверческого округа, причем в качестве наиболее удачной кандидатуры для епископа этого округа рассматривался о. Василий.

Еще одной яркой страницей в жизни о. Василия Прилуцкого был Поместный Собор 1917–1918 гг., где о. Василий участвовал в работе нескольких отделов, но, разумеется, наиболее активно — в работе Отдела о богослужении, проповедничестве и церковном искусстве и его подотделах. О. Василием было сделано нескольких докладов — по истории Типикона, о непорядках в современной богослужебной практике и др.; он активнейшим образом участвовал в дискуссиях, радикально не принимая предложений о переводе богослужения на русский язык и введении в православное богослужение органа, был одним из 4-х соавторов итогового доклада Отдела о богослужении, проповедничестве и храме «Об упорядочении богослужения», представленного Совещанию епископов¹⁰.

После революции о. Василий оказался одним из самых стойких профессоров, продолжавших преподавание в КДА вплоть до ее окончательного закрытия летом 1924 г.¹¹ Вместе с братьями по служению и коллегами по академии он организовал при Киевском Михайловском монастыре пастырские курсы, на которых преподавал небольшой круг духовенства КДА¹².

¹⁰ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме / нубл. А. Г. Кравецкого // Богословские труды. Сб. 34. М., 1998. С. 203–204, 270, 273, 297–303, 307–309, 313–319, 335.

¹¹ Письма епископа Василия (Богдашевского) к А. А. Дмитриевскому 1920–1921 гг. (ОР РНБ. Ф. 194 (Н. Н. Глубоковский). Оп. 1. Д. 354. Л. 19 об., 39 об., 43 об. и др.).

¹² Там же. Л. 21 об., 27 об.

С 1926 г. о. Василий служил во Флоровском монастыре¹³, после закрытия монастыря в 1929 г. и до последнего ареста в 1935 г. — видимо, в Свято-Покровской церкви на Соломенке. Пока не удалось установить время дарования ему сана протоиерея.

Скончался протоиерей Василий Прилуцкий в 1936 г.: хотя конкретных документов найти не удалось, в следственном деле его бывшего коллеги по КДА П. П. Кудрявцева в материалах допроса 9 марта 1939 г. есть упоминание о кончине о. Василия в 1936 г.¹⁴ Место его захоронения также, к сожалению, пока неизвестно.

Если говорить о литературном наследии протоиерея Василия Прилуцкого, то оно невелико: кроме упомянутой выше магистерской диссертации и докладов на Поместном Соборе, несколько рецензий на литургические труды и диссертации¹⁵, а также «слова»: о крестоношении, о грехе отречения от Христа, о христианском бодрствовании. Возможно, научные труды А. А. Дмитриевского, перед которыми о. Василий благоговел, служили для о. Василия столь высоким образцом, которому очень трудно было соответствовать... И его «крайний критицизм к себе, доходящий до болезненной мнительности»¹⁶, который о. Василий и сам за собой признавал.

* * *

Публикуемые письма датируются 1908–1927 гг., но по сути сосредоточены в двух временных периодах: январь — октябрь 1908 г. (письма №1–5)

¹³ Письмо архиепископа Василия (Богдашевского) к А. А. Дмитриевскому от 13 апреля 1926 г. («Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А. А. Дмитриевского...») (Письма киевлян к А. А. Дмитриевскому) / *публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. №1(7). С. 225).

¹⁴ *Ткачук М. Л., Пастушенко Л. А.* До життєпису Петра Кудрявцева: із матеріалів слідчої справи 1938–1939 років // *Магістеріум*. Вип. 47: Історико-філософські студії. Київ: Національний університет «Киево-Могилянська академія», 2012. С. 91.

¹⁵ [Рец. на:] Прот. М. И. Орлов. Литургия св. Василия Великого. Вводные сведения. I. Греческий и славянский текстъ; II. Заамвонные молитвы; III. Особенности Литургии св. Иоанна Златоуста // *Труды Киевской духовной академии* (далее: ТКДА). 1909. Т. III. №5. С. 136–144; [Рец. на:] А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства. М., 1910 // ТКДА. 1910. Т. III. №5. С. 403–409; Отзыв о сочинении Н. Н. Пальмова «Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви. Историко-археологическое исследование» // ИПС КДА за 1915/16 уч. г. Киев, 1916. С. 119–135.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 600. Л. 25 об.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

и весна 1926 г. — весна 1927 г. (письма №6–11). Трудно представить, что преданный ученик, столь привязанный к учителю, доверяющий ему все научные и преподавательские проблемы, не обращался за советами и после 1908 г. Видимо, остальные письма утрачены, однако и сохранившиеся представляют немалый интерес.

Каждый из выделенных блоков писем о. Василия требует особого комментария.

В письмах 1908 г. затрагиваются две основных темы. Первая — события и обстановка в КДА в крайне непростой период в истории высшей духовной школы. Завершилась бурная эпоха первой русской революции, проявившаяся в жизни духовной школы не только организованными выступлениями и политическими заявлениями студентов, но и борьбой за «автономию» наиболее «свободолюбивых» членов профессорско-преподавательских корпораций. Тяжелая ситуация в стране, отразившаяся и на церковном сообществе, вынудила Святейший Синод утвердить «автономию» в виде так называемых «Временных правил», скорректировавших действующий Устав духовных академий 1884 г.¹⁷ Временные правила включали в себя несколько вполне конкретных положений: право Совета академии, а в его лице профессорско-преподавательской корпорации самой выбирать ректора и инспектора, лишь представляя кандидатуру на утверждение Синода; непосредственное подчинение духовных академий Святейшему Синоду, с умалением власти епархиального архиерея до «попечительного наблюдения»; расширение состава и прав Советов академий¹⁸.

Совет КДА, воспользовавшись дарованным правом, 6 сентября 1907 г. избрал из двух кандидатур, выдвинутых на должность ректора — профессора Д. И. Богдашевского и священника Александра Глаголева, — последнего¹⁹. Однако ходатайство об утверждении избранного кандидата было отклонено Синодом: должность ректора Киевской школы трехвековой традицией неразрывно соединялось с настоятельством в Богоявленском Братском монастыре, о. Александр же был женатым священником

¹⁷ 26 ноября 1905 г. Святейшим Синодом были установлены «главные основания» академической жизни в новых условиях; 25 января 1906 г. был изъяснен порядок применения этих правил к академической жизни; 21 февраля 1906 г. Учебный комитет при Святейшем Синоде представил результат согласования «главных оснований» с Уставом духовных академий 1884 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 186 (отд. 1, ст. 2). Д. 486. Л. 1 – 1 об.)

¹⁸ ИПС КДА за 1905/06 уч. г. Киев, 1906. С. 341–343.

¹⁹ ИПС КДА за 1907/08 уч. г. Киев, 1908. С. 47–51.

и монашество принимать не собирався²⁰. Отказ Синода вызвал в Совете КДА жесткую полемику: часть членов приняла указ как «ясный, точный, определенный» закон, которому следовало однозначно подчиниться, другая часть сочла возможным повторить ходатайство²¹. В ответ на упорство Совета Святейший Синод повелел «*незамедлительно* исполнить постановление», то есть избрать на должность ректора кандидата, отвечающего указанным требованиям²². Им стал преосвященный Феодосий (Олтаржевский)²³ — на момент избрания епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. Преосвященный Феодосий был человеком киевским — не только окончил Киевскую ДС и КДА, но и был инспектором и ректором Киевской семинарии, — что давало Совету основание надеяться на понимание избранником академических традиций и бережное к ним отношение²⁴. Эта кандидатура была утверждена Синодом, император дал повеление о перемещении преосвященного Феодосия на кафедру епископа Уманского, второго викария Киевской епархии, и в январе 1908 г. новоизбранный ректор прибыл в академию. В первых письмах В. Д. Прилуцкого (№1, 2) описывается начало ректорства преосвященного Феодосия, особенно важного ввиду особенностей переживаемой эпохи.

Ректорство преосвященного Феодосия продолжится до августа 1910 г. и окажется не очень успешным: профессора жаловались в письмах на ректорскую «апатию к академии»²⁵, не был, видимо, удовлетворен состоянием академии и митрополит Киевский Флавиан (Городецкий)²⁶.

---

²⁰ Указ Святейшего Синода от 15 октября 1907 г. (ИПС КДА за 1907/08 уч. г. С. 99–101).

²¹ Там же. С. 108–111, 114–136.

²² Указ Синода от 1 декабря 1907 г. (ИПС КДА за 1907/08 уч. г. С. 193–194).

²³ Феодосий (Олтаржевский Петр Наркисович; 01.12.1867–26.07.1914), епископ — выпускник Киевской ДС (1888) и КДА (1893), магистр богословия (1900); в 1895 г. принял монашество; учитель Уманского ДУ (1893), смотритель Киево-Подольского ДУ (1895), инспектор Киевской ДС (1898), ректор Волынской ДС в сане архимандрита (1899), ректор Киевской ДС (1901). Епископ Елизаветградский, викарий Херсонской епархии (1903), епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии (1905). В дальнейшем епископ Оренбургский и Тургайский (1910).

²⁴ ИПС КДА за 1907/08 уч. г. С. 221–222.

²⁵ Письмо инспектора КДА Д. И. Богдасhevского к А. А. Дмитриевскому — без даты, но может быть датировано июнем 1910 г. («Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» Вып. 6 (55). С. 94).

²⁶ Об этом можно судить по письмам епископа Феодосия своему правящему архиерею

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

Но политика, вторгшаяся в жизнь академий, драматическое противостояние «правых» и «левых», наконец, ревизия, которой подверглась КДА в 1908 г., и суровая оценка преосвященным ревизором — архиепископом Антонием (Храповицким) — состояния академии были, видимо, непосильным бременем для мягкого по характеру и слабого по здоровью преосвященного Феодосия.

Вторая тема писем 1908 г. — начало преподавательской и научной деятельности В. Д. Прилуцкого и связанные с этим проблемы и переживания. Переход из состояния учащегося в состояние учащего — всегда непростой процесс. Однако для В. Д. Прилуцкого он был отягощен двумя обстоятельствами. Во-первых, после лекций блестящего учителя, от которых привыкли ждать «чего-то особенного, захватывающего»²⁷, все сказанное молодым преподавателем казалось слишком обыденным и бесцветным — по крайней мере, ему самому. Во-вторых, указанное выше противостояние «правых» и «левых» членов корпорации, да и сама постреволюционная ситуация так или иначе сказывались на отношении к молодым преподавателям и старших коллег, и студентов. Последние нередко манкировали лекции, старались «сбыть... экзамены без затраты особого труда и энергии»²⁸. Следует иметь в виду и характер В. Д. Прилуцкого — преданного делу, но склонного к смущению, разочарованию в себе, болезненному переживанию промахов и неудач.

В письмах 1926–1927 гг. отражена совершенно иная эпоха: КДА не действовала с лета 1924 г., ее бывшие преподаватели подвергались арестам, но церковная жизнь в Киеве продолжалась. Автор писем — священник уже с 16-летним стажем, во второй половине 1920-х гг. разделявший судьбу своих сослужителей: православные храмы закрывались или передавались обновленцам, их причт переходил в сохранившиеся храмы, за ним же устремлялась паства. Но и в этой тяжелой ситуации духовенство стремилось сохранить нормальный ритм церковной жизни: не только окормлять свою паству, стараясь не только проповедовать, исповедовать, причащать, отпевать, служить панихиды, но и наслаждаться благолепием богослужения, и возможностью его устроить²⁹.

(РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 755. Л. 9 – 13 об.)

²⁷ ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 600. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Ед. хр. 687. Л. 1.

Большим событием и «истинным праздником среди наших неприглядных будней» стало посещение Киева А. А. Дмитриевским летом 1926 г., воодушевившее членов бывшей академической корпорации и заставившее вновь задуматься о своей собственной научной деятельности. Так, о. Василий делится с учителем своими планами заняться изучением чина освящения храма, в перспективе даже написать монографию, но и здесь опасался обыденного — писать «по шаблону»³⁰.

Еще одной радостью стало получение киевлянами первых выпусков лекций любимого учителя, от которых веяло «новизной и свежестью», которые, как всегда, были «содержательны и преисполнены ценнейшего исторического материала»³¹. Видимо, и А. А. Дмитриевскому было важно прочтение и мнение о его лекциях пусть и младшего, но профессионала и единомышленника. И о. Василий, несмотря на эпистолярную форму, делает некоторые замечания. Так, он не согласен с характеристикой преподобного Феодора Студита «как песнописца слезного покаяния и сурового поста», считая последнего как раз «песнописцем «Светлого поста»; высказывает мнение о полезности для установления авторства антифонов-степенных «литературно-критического (или даже лингвистического) метода»³². Но отмечает автор письма и, как кажется, самое дорогое лично для него: эти собранные, проанализированные, талантливо преподнесенные материалы дают «полную возможность видеть исторический рост» того или иного отдела богослужения, «чувствовать не механизмы этого роста, а настоящую жизнь» (подчеркнуто автором письма. — Н. С.). В этом видит о. Василий главную заслугу своего учителя: «После таких лекций о богослужении нельзя говорить как о каком-то сухом и малопонятном нарастании одних частей над другими или о замене одних видов другими», ибо «богослужение — это живое зеркало церковной жизни»³³.

* * *

Публикуемые письма содержатся в архиве А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 253. Ед. хр. 600;

³⁰ ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 600. Л. 22.

³¹ Там же. Ед. хр. 687. Л. 1 об., 2.

³² Там же. Л. 2 – 2 об.

³³ Там же. Л. 1 об.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

еще один фрагмент обнаружен в ед. хр. 687³⁴). Всего сохранилось 12 писем 1908–1927 гг. общим объемом 28 рукописных листов (26 л. — в ед. хр. 600; 2 л. — в ед. хр. 687).

Все письма — подлинники, автографы. Датирована только часть писем, время написания остальных удалось определить, исходя из содержания. В публикации все письма расположены в установленной хронологической последовательности, а не в том порядке, в котором они хранятся в ОР РНБ. Следует отметить несколько моментов в датировке писем и их установленном порядке.

1. Письма №1 и 2 (Л. 4–5, 6–9 соотв.) не имеют датировки; содержание — прибытие в КДА нового ректора епископа Феодосия (Олтаржевского) — позволило датировать их 10-ми числами января 1908 г. и концом этого же месяца соответственно. Поэтому они помещены на свои места, перед письмом от 16 марта 1908 г. (Л. 1 – 3 об.), которое заняло в публикации место №3.

2. Нет указания года в письме №5 (Л. 13 – 14 об.); содержание — магистерский диспут протоиерея Корнилия Кекелидзе — позволяет определить 1908 год.

3. Не имеют датировки письма №6 (Л. 21 – 22 об.) и 11 (Л. 23–24); содержание — избрание настоятелем Киево-Печерской лавры крестника А. А. Дмитриевского архимандрита Гермогена (Голубева) и получение о. Василием лекций своего учителя — позволило определить время их написания весной 1926 г. и первой половиной марта 1927 г. соответственно.

4. В письме №8 не указан год; содержание — инициатива бывших учеников А. А. Дмитриевского по поиску сохранившихся трудов великого учителя, предпринятая после посещения последним Киева летом 1926 г., — позволяет датировать письмо тем же годом.

5. Письмо №12 (Л. 25–25 об.) не имеет датировки и начала; содержание — дарование двум киевским протоиереям, Иоанну Королькову и Михаилу Златоверховникову, сана протопресвитера — позволяет датировать его весной 1927 г. Однако это усилие оказалось излишним, ибо в другой единице хранения этого же фонда удалось обнаружить начало этого письма, датированное 23 апреля 1927 г. (ед. хр. 687).

Во вступительной статье и примечаниях к письмам используются принятые сокращения названий духовных школ: СПбДА — Санкт-Петербургская

³⁴ Этот фрагмент выявлен и предоставлен для публикации С. Ю. Акишиным.

духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КДА — Киевская духовная академия, КазДА — Казанская духовная академия.

Для составления вступительной статьи и комментариев были использованы: *Сове Б. И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды (далее: БТ). 1968. Сб. 4. С. 39–84; *Акишин С. Ю.* Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии. №15. Киев, 2011. С. 249–267; *Сухова Н. Ю.* Богословское образование в России в начале XX в. (на примере Киевской духовной академии) // Там же. С. 141–155; *Ткачук М. Л., Пастушенко Л. А.* До життєпису Петра Кудрявцева: із матеріалів слідчої справи 1938–1939 років // Магістеріум. Вип. 47: Історико-філософські студії. Київ: Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2012. С. 68–100; «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 75–107; 6 (55). С. 87–110; «Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир...» (Письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) / *публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой* // Труды Киевской духовной академии. №20. Киев, 2014. С. 188–232; «Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А. А. Дмитриевского...» (Письма киевлян к А. А. Дмитриевскому) / *публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. №1 (7). С. 215–241; «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской Академии...» (Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1924–1929 гг.) / *публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. №2 (8). С. 377–423; Извлечения из журналов заседаний Совета КДА (ИЖС КДА) за 1869–1911 гг.; памятные статьи и некрологи; статьи из Электронной базы ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?notextdecor).

Вступительная статья, публикация и примечания Н. Ю. Суховой

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

№ 1 [10-е числа января 1908 г.]. Л. 4–5 — без начала

(л. 4) В Киеве застал полное затишье. Устали что ли профессора, или же запасаются силами для будущей деятельности во главе с новым ректором, но только сейчас пока ничего особенного никто не предпринимает. Правда, обсуждают такие незначительные вопросы, как соотношение и некоторое равновесие между проф[ессорскими] премиями и гонораром за статьи, или вопрос о двух рецензентах кандидатских работ, и только¹.

Не знаю, факт это или утка — будто под влиянием того, что ректором избран епископ — лицо, зависимое от Синода, — среди профессоров образуется центр (Маккавейский², Завитневич³, о. Глаголев⁴ и кто-то еще). В Скабаллановиче⁵ и В. Д. Попове⁶, слышно, левые начина-

---

¹ С 1905 г. кандидатские диссертации выпускников КДА по решению академического Совета читали не один рецензент, как в других академиях, а два. Так как это увеличивало нагрузку преподавателей, не все члены корпорации были согласны с таким решением, считая для кандидатского сочинения двух рецензентов излишним, и в 1908 г. после корпорационной дискуссии от этой практики отказались. Однако Святейший Синод указом от 18 июня 1909 г. признал опыт КДА двойного рецензирования кандидатских диссертаций успешным и повелел всем академиям, начиная с выпуска 1910 г., назначать для чтения кандидатских диссертаций по два рецензента, дабы избежать «излишней снисходительности» конкретного профессора (см.: ИПЗС КДА за 1909/10 уч. г. Киев, 1910. С. 8).

² Николай Корнильевич Маккавейский (1864–1919) — выпускник КДА (1889); магистр богословия (1890); профессор КДА на кафедре пастырского богословия и педагогики.

³ Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927) — выпускник СПбДА (1879), с 1883 г. магистр богословия, с 1902 г. доктор церковной истории; с 1884 г. доцент КДА по кафедре русской гражданской истории, с 1904 г. ординарный профессор, с 1910 г. за штатом.

⁴ Глаголев Александр Александрович (1872–1937) — священник, выпускник КДА (1898), экстраординарный профессор КДА по кафедре древнееврейского языка и библейской археологии, настоятель киевского храма Николы Доброго на Подоле, с 1914 г. протоиерей. После закрытия своего храма (1934) перешел с общиной в храм святителя Николая «Набережного»; был арестован в 1931, затем в 1937 г., скончался в тюрьме.

⁵ Скабалланович Михаил Николаевич (1871–1931) — выпускник КДА (1896), преподаватель КДА по кафедрам Священного Писания Ветхого Завета, догматического богословия, латинского языка (1906–1918), доктор церковной истории (1912); преподаватель классической филологии Киевского университета (1920), член Этнографической комиссии ВУАН (1928–1930); был репрессирован, умер в ссылке.

⁶ Попов Василий Дмитриевич (1879 — после 1926) — выпускник КДА (1902), с 1905 г. магистр богословия, с 1907 г. доцент КДА по кафедре истории и разбора западных исповеданий; участвовал в деятельности преподавательской корпорации КДА в 1920–1923 гг.; в 1923 г. уклонился в обновленческий раскол.

ют уже разочаровываться: эти || (л. 4 об.) новоприобщенные к корпорации мужи оказываются людьми оч[ень] умеренными. Болтают, что и Влад[имир] Петрович⁷ начинает поговаривать о тяжести инспекторского бремени и всех прелестях чистой профессуры...

Но обо всем этом только говорят.

Преосвящ[енного] Феодосия ждут на днях. Каково будет пришествие его, и какое целование воздаст ему Академия, — об этом не премину в свое время в подробности отрапортовать.

Новый состав Синода вызвал здесь полное удивление⁸. Все только и твердят: «Ну, что-то теперь будет!»

В Рел[игиозно-]просв[етительском] общ[естве] еще не был, пойду в следующую субботу⁹. ||

(л. 5) Пока простите.

Горячо любящий Вас и всем Вам обязанный ученик В. Прилуцкий.

PS. Василий Петрович говорит мне, что он возвратил Вам должное, благодаря тому, что получил студенческую премию за кандидат[идатское] соч[инение], но я никак не могу этого сделать, все никак не могу скопить¹⁰.

⁷ Рыбинский Владимир Петрович (1867–1944) — выпускник КДА (1891), профессор КДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; доктор богословия (1913). В 1920-х гг. работал в еврейском отделе Украинской академии наук.

⁸ В декабре 1907 г. группа епископов предложила императору Николаю ввиду сложной ситуации в Русской Церкви расширение и изменение состава Святейшего Синода. Император поддержал епископов, и на зимнюю сессию в январе 1908 г. был созван новый состав Синода, включивший, кроме трех митрополитов — Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), Московского Владимира (Богоявленского) и Киевского Флавиана (Городецкого), — архиепископа Томского Макария (Невского), епископов Вологодского Никона (Рождественского), Таврического Алексия (Молчанова), Саратовского Гермогена (Долганева), Орловского Серафима (Чичагова), Пензенского Митрофана (Симашкевича), настоятеля Андреевского собора в Кронштадте протоиерея Иоанна Сергиева, протопресвитеров придворного духовенства Иоанна Янышева и военно-го — Александра Желобовского.

⁹ Речь идет о Киевском религиозно-просветительском обществе (КРПО), основанном в 1893 г. как Киевское общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, вскоре переименованном в Киевское религиозно-просветительское общество (КРПО). А. А. Дмитриевский до своего отъезда из Киева был старостой общества, участвовал в деятельности общества и В. Д. Прилуцкий.

¹⁰ Соколов Василий Петрович (1883 — после 1931), выпускник КДА (1907). В 1907/08 уч. г. профессорский стипендиат при кафедре Священного Писания Нового Завета; после этого — преподаватель во 2-м Киевском ЕЖУ и Киево-Фундуклеевской женской

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

Желаю успешного исправления Триоди. А нельзя ли как-нибудь из текста да забраться в красный шрифт и там что-нибудь сделать, — хотя бы по-людски написать о Плащанице¹¹?

По Москве в свободное время таскался к единоверцам¹². Бодрствовал с ними под Крещение, но уже один, без о. Гавриила¹³, тот убоился усталости. ||

гимназии. В 1931 г. арестован и приговорен к 3 годам лагерей.

С В. Д. Прилуцким они были однокурсниками и друзьями, вместе снимали квартиру.

¹¹ Речь идет о деятельности Комиссии по исправлению богослужебных книг, учрежденной указом Святейшего Синода от 15 февраля 1907 г. Председателем Комиссии был назначен архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), членами — бывший профессор СПбДА Е. А. Ловягин, протоиерей Димитрий Мегорский, профессор СПбДА Н. Н. Глубоковский и справщик Санкт-Петербургской Синодальной типографии Н. Ф. Чуриловский. В дальнейшем к работе Комиссии привлекались и другие лица. В декабре 1907 г. по предложению преосвященного в состав Комиссии вошел А. А. Дмитриевский; он принимал активное участие в работе Комиссии вплоть до 1913 г. На первом этапе Комиссия занималась исправлением Постной Триоди, исправленный вариант которой был напечатан в декабре 1912 г. Главной целью было, с одной стороны, исправить неточности и ошибки никоновской редакции Триоди, с другой стороны, сделать текст более понятным как при чтении, так и при восприятии на слух. О работе Комиссии по исправлению богослужебных книг 1907–1917 гг. более подробно см.: *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.)* М., 2001. С. 74–124.

В. Д. Прилуцкий же говорит об указаниях, выделенных в Постной Триоди красным цветом, в которых нет упоминания ни о выносе Плащаницы на вечерне Великого Пятка, ни о выносе Плащаницы на утрне Великой Субботы. Таким образом, богослужебная реальность противоречила тексту Триоди.

¹² Речь идет о Никольском единоверческом мужском монастыре, открытом в 1866 г. на месте старообрядческой мужской обители Федосеевского толка у Преображенского кладбища.

¹³ Гавриил (Чепур Григорий Маркеллович; 1874–1933), архимандрит — выпускник КДА (1896); писал кандидатскую диссертацию под руководством А. А. Дмитриевского на тему «Типикон Великой Константинопольской церкви. Исторический очерк»; после принятия монашества и священного сана был преподавателем в Новгородской ДС, Александровской (Ардонской) ДС, инспектором Могилевской ДС, ректором Полтавской ДС. С 1906 г. синодальный ризничий и настоятель храма Двенадцати апостолов в Московском Кремле; с 1908 г. ректор Вифанской ДС. С 1910 г. епископ Измаильский, викарий Кишиневской епархии; с 1918 г. епископ Челябинский; с 1920 г. в эмиграции, с 1930 г. архиепископ.

№ 2 [конец января 1908 г.] Л. 6–9

(л. 6) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Наконец дождались мы и с честью встретили нового ректора. Прибыл пр[еосвященный] Федосий в Киев 17 вечером и остановился в Лавре. В 12 ч. дня 18-го назначена была встреча его в Великой церкви Братского монастыря. По обычаю монастырская братия встретила преосвященного за воротами монастыря «во всем чину» и с хоругвями. В церкви по обычном «Достоинно», ектении и многолетии пр[еосвященный] Феодосий обратился к собравшимся посетителям Братского монастыря с речью, в которой приглашал посещать Братский монастырь и обещал со своей стороны содействовать тому, чтобы || (л. 6 об.) богослужение здесь совершалось благообразно и по чину. Обещал также и проповедовать. К концу речь преосв[ященного] приняла академический характер. Как ректор, пр[еосвященный] Феодосий обещал свято сохранять те добрые традиции, которыми доселе жила Киевская Академия. Обозревая длинную цепь столпов этого духовного вертограда, проповедник остановился на своем ближайшем руководителе Акиме Ал[ексеевиче] Олесницком¹⁴, начертал его духовный облик, выразив пожелание самому себе — хотя бы отчасти уподобляться на поприще служения родной Академии этому беззаветному труженику на благо Академии, много лет честно и бескорыстно отдававшему все свои силы на высокое служение богословской науке.

Из церкви акад[емическая] корпорация, в том числе и мы, направились в зал советских заседаний, где Влад[имир] Петрович¹⁵ представил || (л. 7) новому ректору профессоров и лиц, служивших в Академии. После этого члены Совета сели за стол под председательством нового ректора. Секретарь прочитал указ об утверждении. Влад[имир] Петрович обратился к новому ректору с приветственной (краткой)

¹⁴ Олесницкий Аким Алексеевич (1842–1907) — выпускник (1867) и профессор еврейского языка и библейской археологии КДА; доктор богословия (1877), с 1899 г. в отставке.

Епископ Феодосий писал под руководством А. А. Олесницкого кандидатское сочинение и магистерскую диссертацию: *Феодосий (Олтаржевский), иером.* Палестинское монашество с IV до VI века // Православный Палестинский сборник. Вып. 44. Т. XV. СПб., 1896.

¹⁵ Рыбинский Владимир Петрович в 1908 г. был инспектором КДА.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

речью, в которой просил его, «отдавая должную дань добрым академическим традициям, по совести считаться и с новым строем академической жизни»¹⁶. На это пр[еосвященный] Феодосий ответил, что ему теперь известно, что в настоящее время хозяином в академических делах является Совет, а потому он, как первый член Совета, по возможности будет всегда соглашаться с советскими определениями, если, конечно, таковые будут направляться к прямому благу Академии. Назвав себя второ-первым ректором, преосвященный счел нужным сказать несколько слов по адресу Ал. Ал. Глаголева, прося его не считать нового || (л. 7 об.) ректора питающим по отношению к нему какие-либо неприязненные чувства. Многолетиями заседание Совета и закончилось. Все по приглашению Феодосия направились к нему в квартиру на чашку чая, после чего разошлись кийждо во своя. Вечером во время ужина новый ректор посетил студенческую столовую и общим поклоном поздоровался со студентами. Каких-либо речей в данном случае не было.

В воскресенье состоялась первая архиерейская Литургия в Бр[атском] монастыре, за которой преосвященный предложил проповедь.

От впечатлений пока все воздерживаются. Одно пока можно сказать, что в отношении к студентам у нового ректора особых сентиментальностей не будет.

Как профессор, новый ректор || (л. 8) избрал себе церковное право¹⁷.

Итак, водворение нового ректора совершилось просто и естественно, без особых инцидентов. Нельзя сказать, чтобы это водворение носило всецело официальный характер, о чем так усердно заботились левые профессора, долго и горячо трактовавшие о встрече нового ректора на своих частных собраниях. Преосв[ященный] Феодосий держал себя совершенно просто (чем совершенно стушевался официальный характер его чиноприема чрез чтение указа в советском заседании), но с другой стороны, ни пред кем не заискивал и не унижал своего ректорского достоинства. А, впрочем, поживем, Бог даст, и увидим, что и как.

¹⁶ Под «новым строем академической жизни» подразумеваются указанные выше Временные правила для духовных академий.

¹⁷ Согласно действовавшему Уставу 1884 г. ректор духовной академии, не являясь профессором, должен был выбрать предмет для чтения «не более двух лекций в неделю» (Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание. Т. IV. СПб., 1887. №2160. §21. С. 233).

Теперь о своем сиротском положении¹⁸. Обычно, когда сын лишается своего отца, то к нему подступают || (л. 8 об.) со всех сторон сердобольные люди со своими добрыми советами.

В таком положении сейчас и я. Один советует то, другой — свое. Кого слушать — Бог знает. Кое-кто говорит, что мне лучше всего было бы предоставить отчет только по одному какому-либо отделу археологии, а то иначе придется представлять обзор прочитанной литературы, что, будто, труднее¹⁹.

А я уже думаю так: пусть мой отчет будет представлять своего рода рапорт о том, как я познакомился с каждым отделом археологии: архитектурой, скульптурой и живописью. В каждом из этих отделов я, само собою, на некоторые стороны обращаю главнейшее внимание. В таком направлении я работал и работаю.

Ну, уже и разочарываюсь в своей || (л. 9) теме по литургике! С каким бы удовольствием я писал о каком-либо отдельном чинопоследовании, хотя бы об «Освящении церкви». Но все-таки пишу и исправляю. Пока каких-либо затруднений не вижу.

Преданный Вам В. Прилуцкий. ||

№3 от 16 марта 1908 г. Л. 1 – 3 об.

(л. 1) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

От искренне любящего и благодарного сердца спешу приветствовать Вас со днем памяти Вашего небесного покровителя²⁰. Дай Бог, чтобы по молитвам и предстательству Человека Божия жизнь Ваша протекала в добром здоровье и всяческом благополучии многие, многие годы — для чести и славы Русской Церкви и науки, для блага и пользы русского народа, который за последние годы так богат стал опекунами-говорунами и так обеднел истинными печальниками и радетелями о его настоящих нуждах. ||

¹⁸ Имеется в виду уход А. А. Дмитриевского — руководителя В. Д. Прилуцкого — из академии.

¹⁹ Речь идет о стипендиатском отчете В. Д. Прилуцкого, который он должен был представить в Совет КДА весной 1908 г.

²⁰ 17 марта по ст. ст. — церковное празднование Алексия, человека Божия, именины А. А. Дмитриевского.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

(л. 1 об.) Благодарю за Ваше приветствие и поздравление с душеполезной Четырехдесятницей и за все добрые пожелания. Пост Великий, как и следует, проходит у меня в усиленных занятиях, но, к прискорбию, при крайне разбитом душевном настроении.

Дело в нижеследующем.

Надо мной исполнилась русская пословица: «где тонко — там и рвется». Уж так-то дорога для меня каждая минута, каждая секунда, — и вдруг я должен был потерять целый месяц! 27 января я получил из дома телеграмму, которой вызывали меня к безнадежно больному родителю. Я сейчас же взял двухнедельный отпуск и выехал из Киева. Второпях ничего не захватил с собой из духовной провизии, да к тому же думал скоро возвратиться. На деле получилось иное. Отца я застал в живых, но в крайне тяжелом состоянии. На почве хронической болезни || (л. 2) горла у него образовалось что-то вроде рака пищевода. Полная невозможность принятия пищи, а, главное, полная беспомощность его (при совершенном одиночестве) и заставили соседей, без его ведома, вызвать меня упомянутой телеграммой. У меня были кое-какие средства, и я начал лечение больного, возможное при сельских и уездных докторах. Неопределенность положения больного и главное, его одиночество и полная беспомощность не позволяли мне отъехать; сделать последнее — это значило бы бросить родного отца на произвол судьбы. И вот я прожил в деревне в страшных нравственных муках целый месяц, пока, наконец, не нашел я человека, способного заменить меня при больном, и пока положение последнего, благодаря одному сведущему доктору, несколько не улучшилось. После этого я сейчас же поспешил в Киев. И вот теперь опять сижу за делом, с лихорадочною дрожью перечитываю книги по истории иконографии, в то же время делаю || (л. 2 об.) общие выводы, группирую их и составляю т[ак] н[азываемый] отчет. Обращаю главное внимание на развитие иконописных сюжетов, выработавшихся в Византии и перенесенных к нам на русскую почву. Прочитанное в книгах оживляю для себя подробным ознакомлением с коллекциями нашего музея. А пошибы иконописные я оставил: это дело глубокого специалиста, набившего руку. Как я ни бился, не мог усвоить всех тонкостей в различии этих пошибов так, чтобы, посмотрев на икону, определить, какого она письма.

Отношения к себе Николая Ивановича [Петрова]²¹ выяснить никак не могу. То иной раз ласково обойдется, то — хмурится или посма-

²¹ Петров Николай Иванович (1840–1921) — выпускник КДА (1865); доктор богосло-

тривает на мои лазания по шкафам иронически. Ну, Бог с ним и со всеми, что будет, то и будет! А тут еще Амвросий библиотекарь²² не дает мне атласов на квартиру, приходится рассматривать их в библиотеке. ||

(л. 3) По Академии новостей особых нет. Студенты увлекаются заседаниями богословско-философского кружка, на которых читаются по большей части либеральные рефераты чисто практического, а не философского характера. Например, «Почему долго нет Собора», «Участие Киевской дух[овной] академии в освободительном движении» и проч. Посещает иногда эти заседания и ректор.

По отношению к предстоящим экзаменам по литургике и археологии у студентов продолжает оставаться все то же анти-студенческое направление: сбыть эти экзамены без затраты особого труда и энергии. Это, по их мнению, вполне будет достигнуто, если экзамены будут производиться без Вашего участия. И представьте, даже многие из консерваторов оказываются лентяями.

В Религиозно-просветительном обществе || (л. 3 об.) бываю редко. Что-то там дела не совсем хорошо идут. Так, по крайней мере, говорит Дм. Ив. Богдашевский. Он горько сетует на академических проф[ессоров] за то, что те из-за нескольких выражений одного только председателя бросили доброе дело²³. Не знаю, избрали ли Вашего заместителя?

В заключение прошу извинить, что поздравительное письмо мое получилось таковым только в начале, а потом перешло в обычную прозу, неподходящую для Вашего светлого настроения в день ангела.

Еще раз всего наилучшего!

Искренне любящий Вас и глубоко уважающий, В. Прилуцкий. ||

вия (1876); профессор КДА по кафедре теории словесности и иностранных литератур, многолетний хранитель Церковно-археологического музея при КДА.

²² Крыловский Амвросий Семенович (1853–1930) — выпускник КДА (1886), магистр богословия (1905), многолетний библиотекарь КДА, хранивший ее и после закрытия КДА и передачи библиотеки во Всеукраинскую Академию наук.

²³ Прозоров Григорий Яковлевич (1864–1942 (или 1943)), протоиерей — выпускник КДА (1888), служил в Киево-Софийского соборе, председатель КРПО с 1907 г. С его руководством было связано много недовольств членов общества (см.: «Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир...» (Письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) / *публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой* // ТКДА. №20. Киев, 2014. С. 201–202 и далее).

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

№4 от 9 июня 1908 г. Л. 10 – 12 об.

Да будет воля Господня!

(л. 10) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Любезнейший Дмитрий Иванович, кажется, уже известил Вас телеграммой об избрании меня на кафедру.

Как ни старался я избежать этого ответственного и многотрудного служения, Господь все-таки судил мне воспринять его. Теперь, кажется, уже нет места сомнениям и колебаниям. Предо мною со всею ясностью теперь выступает необходимость трудиться, трудиться и трудиться. Послал бы только Бог || (л. 10 об.) физических сил для этого труда.

После Вашего отъезда я стал спешить оканчивать переписку отчета, но дело это как-то у меня затянулось. Пред самой подачей отчета Богу угодно было посетить меня новым испытанием: 23 мая я получил телеграмму о смерти своего родителя. Пришлось выехать домой. На Троицу я был уже опять в Киеве. Здесь я узнал, что ректор препроводил мой отчет для чтения М. Н. Скабаллановичу и А. А. Глаголеву²⁴. С трепетом сердца я стал ожидать отзывов о своем отчете, который мне самому казался крайне неудовлетворительным. Но, к моему немалому удивлению, оба рецензента дали очень хороший отзыв о моих стипендиатских занятиях. И только Скабалланович || (л. 11) поставил мне в вину слишком благоговейное отношение к авторитету моего учителя, т. е. к Вам (об этом расскажу подробнее при личном свидании).

Затем мой отчет весь целиком был прочитан на одном из советских заседаний. И на этот раз никто никаких особых возражений не сделал. Я, ожидавший полного своего поражения, был смущен таким исходом дела и, не расставаясь с мыслью уклониться от кафедры, пошел было к ректору с отказом. Но тот встретил меня такими словами: «Обо всем с Вами буду говорить, кроме литургики и археологии... Отказываться Вы не имеете никакого права, и я Вашего отказа не приму». Оставалось ждать результатов выборов. Я все-таки не переставал надеяться, что меня провалят. Но вот, накануне выборов получают телеграммы

²⁴ Обычно отзыв на отчет профессорского стипендиата давал его руководитель. Но после ухода А. А. Дмитриевского из академии Совет назначил рецензентами стипендиатского отчета В. Д. Прилуцкого священника А. А. Глаголева (по отделу церковной археологии) и М. Н. Скабаллановича (по отделу литургики) (см.: ИЖС КДА за 1907/08 уч. г. С. 292; представленные рецензентами отзывы: Там же. С. 336–338, 338–341 соотв.).

от Неселовского²⁵ и Кекелидзе²⁶ с отказом || (л. 11 об.) от баллотировки на кафедру. Кандидатом остался я один. 9 июня, после молебна, приступили к выборам. Степ[ан] Т[имофеевич] Голубев²⁷ внес предложение об открытой баллотировке, но это предложение сочли более удобным выслушать после выборов, которые производили по обычному правилу закрытой баллотировкой. Результаты таковы: я получил 13 избирательных, причем Голубев, К. Д. Попов²⁸ и Песоцкий²⁹ уклонились от баллотировки, а о. Феодор Покровский³⁰ положил шар не туда, куда хотел, заявив тут же о своей ошибке. После баллотировки Степ[ан] Тим[офеевич] выступил со своим отдельным мнением, в котором очень часто касался и моей личности, что произвело неблагоприятное впечатление на некоторых из профессоров...

Итак, глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич, Вы сделали для меня решительно || (л. 12) все. Приношу Вам свою глубокую сердечную

---

²⁵ Неселовский Афанасий Захарович (1864 — после 1926) — выпускник КДА (1890), кандидат богословия с правами магистранта. Писал кандидатскую диссертацию под руководством А. А. Дмитриевского на тему «Чины поставления в иерархические степени» (отзыв А. А. Дмитриевского о диссертации А. Неселовского см.: ИЖС КДА за 1889/90 уч. г. Киев, 1890. С. 266–269); по окончании академии был смотрителем Каменец-Подольского ДУ; в 1906 г. стал магистром богословия (дисс. «Чины хиротесий и хиротоний. Опыт историко-археологического исследования» (Киев, 1906)); в июне 1908 г. был среди кандидатов на замещение вакантной кафедры литургики и церковной археологии.

²⁶ Кекелидзе Корнилий Самсонович (1879–1962), протоиерей — выпускник КДА (1904), кандидат богословия с правами магистранта; писал кандидатскую диссертацию под руководством А. А. Дмитриевского; преподавал богословие в Тифлисском ЕЖУ и на Тифлиских высших женских курсах; с 1908 г. магистр богословия (дисс. «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение» (Тифлис, 1908)). В 1920 г. снял сан для того, чтобы жениться второй раз.

²⁷ Голубев Стефан Тимофеевич (1848–1920) — выпускник КДА (1874); профессор КДА по кафедре истории и обличения русского раскола, доктор церковной истории; с 1909 г. сверхштатный профессор.

²⁸ Попов Константин Дмитриевич (1849–1911) — выпускник КДА (1875); доктор богословия; ординарный профессор КДА по кафедре патристики, с 1910 г. сверхштатный.

²⁹ Песоцкий Сергей Александрович (1869–1920) — выпускник КДА (1893); экстраординарный профессор КДА по кафедре введения в круг богословских наук.

³⁰ Покровский Феодор Яковлевич (1860–1919), протоиерей — выпускник КДА (1884); магистр богословия (1886); заслуженный экстраординарный профессор КДА по кафедре библейской истории, с 1908 г. сверхштатный; настоятель Притиско-Никольской часовни в память спасения жизни государя императора Александра II.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

благодарность за все Ваши бесчисленные благодеяния, оказанные моему ничтожеству. И теперь слезно молю не оставить меня без своей помощи и на будущее время... Сегодня я выезжаю на родину, чтобы там ликвидировать кое-какие дела. А оттуда направлюсь уже в Петербург. Ехать в Петербург из Киева никак не могу: дома я оставил сестру одной во всем доме, дав ей обещание приехать в скором времени. Нужно будет куда-нибудь пристроить ее на лето, запечатать дом, поручить кому-нибудь надзор за ним и т. под. Все это требует моего личного присутствия. Но, во всяком случае, долго я мешкать не стану, и числу к 20-му июня надеюсь уже увидеть Вас.

Евхологий Гоара считаю за лучшее переслать || (л. 12 об.) Вам почтой. Везти его с собой сначала в деревню, а потом в Питер крайне неудобно: по дороге могут его украсть, вместе с другими вещами, пересылка же почтой мне представляется более безопасной. (Открыв первую крышку Евхология, Вы найдете брошюру: «Служба в честь импер[атора] Никифора Фоки» в 3-х экземплярах)³¹. Типикон Вел[икой] церкви (болгар[ский] и греческий) привезу с собой.

Итак, до скорого свидания.

Всей душой преданный Вам В. Прилуцкий

9 июня 1908 г. ||

№5 от 7 октября [1908 г.] Л. 13 – 14 об.

(л. 13) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Согреших на небо и пред Вами... Стыжусь и писать Вам, дорогой АА. Оказывается, без Вас я только и способен на то, чтобы без конца рвать бумагу. Как только приехал я в Киев, начались мои терзания. Стал грызть свой несчастный символизм. И дошел до такого состояния, что этот вопрос опротивел мне до зела. Время, назначенное мною для вступительной лекции, подходило, а у меня еще ничего не было готово. Да мало того, я не знал даже, на чем бы остановиться. Написанное о символизме я в припадке крайнего отчаяния и нервного расстройства || (л. 13 об.) в одну прекрасную ночь порвал и предал всеконечному сожжению. А сам дошел до такого состояния, что готов был

³¹ Брошюра А. А. Дмитриевского: Служба в честь византийского императора Никифора Фоки // ТКДА. 1906. №2. С. 237–252 (отд. отт.: Киев, 1906). Это опубликованный текст доклада, сделанного Алексеем Афанасьевичем в заседании Исторического общества Нестора Летописца 16 апреля 1906 г.

покончить со всем раз и навсегда. Но тут нашлись добрые люди, которые посоветовали, не задаваясь широкими целями, прочитать что-либо попроще. Так как я пробовал перо на введении к самому курсу археологии, то и решил прочитать одну из самых первых лекций, сделав ее вступительной. Лекция была посвящена характеристике археологии вообще.

Кое-как обделал ее и с ней решил выступить. Но нервное волнение в ту пору меня еще не совсем оставило, и я на кафедре не взвидел света Божьего, дрожал как самый последний школьник. Оттого, скажу прямо, впечатление от моего чтения получилось неважное. Правда, некоторые говорят, что хорошо, но я || (л. 14) этому не верю. И главное — все обратили внимание почти исключительно на самый процесс чтения. Содержание же лекции признано безукоризненным³².

Теперь как будто немного посмелел. Читаю гораздо свободнее и иногда отрываюсь от тетрадки и веду изустную беседу. Сейчас приканчиваю обзор литературы. Хочу этот отдел читать как можно короче, а выходит так, что предполагаемая лекция, благодаря отступлениям и изустной речи, растягивается на две.

В аудитории вижу у себя человек до 30; немного по сравнению с тем, что бывало у Вас. Да и оживления на лицах слушателей такого, как было при Вас, не заметно. По старой памяти ждут от лекций по археологии чего-то особенного, захватывающего, — а им преподносишь обычное, заурядное.

Профессора относятся пока хорошо. ||

(л. 14 об.) На диспуте Кекелидзе выступал и я³³. И как будто сошло дело хорошо. И я даже, по отзывам других, произвел впечатление. Вот так бы нужно было и на лекции, ан вышло куда как хуже.

Сейчас занят писанием дальнейших лекций, в запасе есть не более 5 лекций. Действительно, приходится сидеть, не разгибая спины.

³² Пробная лекция была прочитана В. Д. Прилуцким 17 сентября 1908 г. Ее оценку профессорской корпорацией передавал А. А. Дмитриевскому Д. И. Богдашевский: «Лекция была весьма содержательная, но лектор прочитал ее неважно» («Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» Вып. 5 (54). С. 89).

³³ Защита 19 сентября 1908 г. протоиереем К. С. Кекелидзе магистерской диссертации «Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение» (Тифлис, 1908) (протокол диспута см.: ИПС КДА за 1908/09 уч. г. Киев, 1909. С. 72–73). Официальными оппонентами выступали священники А. А. Глаголев и Н. С. Гроссу. Об успешном выступлении В. Д. Прилуцкого в роли неофициального оппонента восторженно писал А. А. Дмитриевскому и Д. И. Богдашевский (см.: «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» Вып. 5 (54). С. 88).

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

Что будет дальше, не премину описать. Еще раз прошу прощения за долгое молчание. Прямо-таки не мог и писать Вам, так было стыдно.

Желаю Вам доброго здоровья и всякого благополучия.

Искренно преданный Вам, но недостойный Вашего взыскания

В. Прилуцкий ||

№6 [весна 1926 г.] Л. 21 – 22 об. Без начала

(л. 21) ...хорошие книги, считаю грехом владеть дубликатами.

С 1-м томом Түлікә полнейшая неудача: в раздобытых мною кусках не достает 152 начальных страниц греческого текста. Впрочем, нет худа без добра: при поисках Түлікә у того же букиниста нашел вырванную из «Хр[истианского] чт[ения]» Вашу рецензию на Мансветова (полностью)³⁴, что очень важно, так как и в акад[емической] библиотеке из этих томов «Хр[истианского] чт[ения]» остался, кажется, 1 экземпляр, прочие растащили студенты (и все записано на мое имя!).

Сверх запрашиваемого сообщаю кое-что и от себя.

В нашей Лавре новый, избранный братией и утвержденный Страгородским, настоятель — Ваш крестник³⁵. || (л. 21 об.) Проходит свое служение пока в Ольгинской церкви.

Из Ваших знакомых в Киеве остались только трое: Д. И. Богдашевский, Вербицкий Д.³⁶ и Делиев Егор³⁷, а другие двое подались на север³⁸.

³⁴ Рецензия на книгу И. Д. Мансветова «Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви». М., 1885 // ХЧ. 1888. №9/10. С. 480–576.

³⁵ Гермоген (Голубев Алексей Степанович; 1896–1978) — сын профессора КДА С. Т. Голубева, выпускник 3-й Киевской гимназии (1915) и МДА (1919); принял монашество в академии, с 1920 г. иеродиакон, с 1921 г. иеромонах. С 18 октября 1926 г. — наместник Киево-Печерской лавры и архимандрит; до 1931 г. возглавлял общину лавринских монахов при Ольгинской церкви. Много лет провел в лагерях и ссылках; служил в Астрахани, Самарканде; с 1953 г. епископ Ташкентский и Среднеазиатский, затем архиепископ Омский и Тюменский, Калужский и Боровский; с 1965 г. на покое.

³⁶ Димитрий (Вербицкий Максим Андреевич; 1869–1932), архиепископ — выпускник КДА (1899); в 1926 г. епископ Уманский, викарий Киевской епархии, с 1926 г. архиепископ; с 1930 г. архиепископ Киевский при экзархе Украины архиепископе Харьковском Константине (Дьякове).

³⁷ Георгий (Делиев Спиридон Георгиевич; 1878–1937), архиепископ — выпускник КДА (1919); с 1925 по 1928 г. временно управлял Киевской епархией в сане епископа Таращанского.

³⁸ Видимо, намек на епископов Украинской Церкви, пребывавших в Киеве, двое из которых были отправлены в ссылку.

Добрался, наконец, я и до начала Вашего письма. Очень оно меня смутило и опечалило.

По поводу чина освящ[ения] храмов могу сказать только немного. Извлек все, что есть в Εὐχολόγια (материя очень мне известная по кандидатской работе). Перечитал еще раз (почему-то завалившееся у меня) сочинение Шевелева³⁹... При отсутствии других рукописных литургических материалов нужно бы заняться проверкой цитат из св. отцов, канонических памятников и др[угих] источников, данных в диссертации || (л. 22) Шевелева, — да что-то не лежит душа к этого рода занятиям. Впрочем, заинтересовали меня случаи совершения богослужения (Евхаристии) в неосвященных церквях, да боюсь пока что-либо писать Вам по этому поводу. «Союзом боязни связуем бывает предтеча» — очень по-моему неудачная предпразднственнно-богоявленская имитация прекраснейшего ирмоса св. Космы⁴⁰, — однако она очень подходит для выражения моих отношений к Вам, не как к доброму собеседнику и прекрасной души человеку, а как профессору и ученому. Это чувство страха всегда связывало меня.

Во всяком разе, от плана будущей работы я пока еще далек. По шаблону (сведения об освящ[ении] храма до || (л. 22 об.) появления «чина», история чина в Греч[еской] Церкви с такого-то по такой-то век и т. д.) писать не хочется, а чего-либо другого пока не придумал... Если буду жив и здоров, нужно будет летом, пред Вашей поездкой в Киев, которой все с упованием ожидают, поехать в Ленинград и, если достоин я такой милости, посмотреть еще раз Ваши неизданные евхологии...

Пока же, пожелав Вам доброго здоровья, кончаю это расплывчатое письмо.

Искренно преданный, иерей В. Прилуцкий ||

³⁹ Шевелев Федор — выпускник КДА 1893 г., 2-й кандидат-магистрант курса; писал кандидатское сочинение А. А. Дмитриевскому на тему: «Чинопоследование освящения храмов (историко-археологическое исследование)». Отзыв А. А. Дмитриевского: ИПЗС КДА за 1892/93 уч. г. Киев, 1894. С. 290–291. См. также отзыв А. А. Дмитриевского об отчете Феодора Шевелева как профессорского стипендиата: То же за 1893/94 уч. г. Киев, 1895. С. 330–331.

⁴⁰ Неточная передача начала ирмоса 5-й песни канона на повечерии 4 (17) января: «Союзом боязни содержим, ныне Предтеча отрицается крестити, благоговейно Христа видев, нага стояща на воде, водою покрывающа превыспренняя». Аллюзия на канон Великого Четвертка, написанный св. Космой Маюмским (VIII в.); ирмос 5-й песни: «Союзом любви связуем апостоли, владычествующему всеми себе Христу возложше, красны ноги очищаху, благовествующе всем мир».

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

№7 от 8/21 августа 1926 г. Л. 15–16

(л. 15) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Петр Павлович⁴¹ и Владимир Петрович⁴² имели доброе намерение еще раз пожелать Вам счастливого пути на вокзале. В надежде, что это намерение осуществится, я передал Петру Павловичу письма для А. И. Бриллиантова⁴³ и П. П. Мироносицкого⁴⁴ с покорнейшей просьбой к Вам — при случае доставить эти письма по назначению. На другой день Петр Павлович вернул мне мои письма... Оказалось, что провожавшие не могли отыскать Вас ни на платформе, ни в поезде. Было высказано много сожалений по этому поводу и || (л. 15 об.) взаимных жалоб провожавших на свою «недальновидность», но факт остался фактом, и я, пользуясь Вашей любезностью, решаюсь направить к Вам свои письма почтой. Будьте так добры — передайте их по назначению, если, конечно, представится Вам случай видаться с адресатами. Дабы не обременять конверта, я лишил свои письма обочек и прошу продлить Вашу любезность до конца: вложить эти письма в конверты, положить в каждый по одной марке на ответы. Прилагаю при сем пять марок, две для моих

---

⁴¹ Кудрявцев Петр Павлович (1868–1940) — выпускник КДА (1892); и. д. доцента по кафедре истории философии; с 1908 г. магистр богословия и экстраординарный профессор. После революции был профессором философии Таврического университета (1919–1921), работал в Византологической комиссии Всеукраинской академии наук, был уволен во время «чисток» в 1930 г.

⁴² Владимир Петрович Рыбинский.

⁴³ Бриллиантов Александр Иванович (1867–1933) — выпускник (1891) и бывший профессор (1900) СПбДА; доктор церковной истории (1914); член-корреспондент Российской Академии наук (1919; с 1924 АН СССР); преподаватель Петроградского богословского института (1920–1923); член комиссии АН по истории знаний и Русско-византийской комиссии; библиотекарь 1-го филиального отделения Государственной публичной библиотеки (1921), ее главный библиотекарь (1925), с 1930 г. на пенсии. В 1930 г. арестован по «Академическому делу», сослан в Тамбов.

⁴⁴ Мироносицкий Порфирий Петрович (1867–1924) — выпускник КазДА (1891), учитель церковно-приходской школы (1891); магистр богословия (1894); преподаватель пения в петербургской Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе (1894), член Училищного Совета при Святейшем Синоде (1897); член Комиссии по исправлению богослужебных переводов при Синоде (1913–1917); профессор гимнологии и церковнославянского языка в Петроградском Богословском институте (1920–1923), член Александро-Невского братства. В 1932 г. арестован по «делу Александро-Невского братства», скончался в ходе следствия «от сердечной недостаточности».

адресатов и три на пересылку мне обещанной Вами книжицы о Чине пещного действия⁴⁵.

Напоминаю и свой адрес: Андреевский спуск, №20, кв. 3. ||

(л. 16) Все Ваши киевские друзья находятся под живым впечатлением от Вашего посещения, которое было истинным праздником среди наших неприглядных будней. Утешаем себя надеждой и еще видеть Вас в Киеве и наслаждаться Вашими беседами. Не одному же Ленинграду питаться от Вашей обильной духовной трапезы; ведь и мы духовные чада Ваши! Пусть Господь продлит Свою милость к Вам и нам сохранением Вашего здоровья и крепости сил!

Со времени Вашего отъезда в судьбе Ваших друзей и знакомых никаких перемен не произошло.

Простите за доставляемые хлопоты.

Глубоко почитающий и любящий Вас иерей Василий Прилуцкий. ||

№8 от 14 авг[уста] [1926 г.] Л. 26

(л. 26) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Григорий Григорьевич Попович отыскал в складе следующие Ваши труды:

«Патмосские очерки»⁴⁶ — 2 экз.

«Арсений Элассонский»⁴⁷ — 14 экз.

«Приезд в Астрахань...»⁴⁸ — 2 экз.

«В честь какой иконы...»⁴⁹ — 1 экз.

(Тулικά⁵⁰ не нашлось)

Что делать с найденным?

---

⁴⁵ Чин пещного действия: (Историко-археологический этюд) // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 553–600 (отд. отт.: СПб., 1895).

⁴⁶ Патмосские очерки: Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894.

⁴⁷ Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.

⁴⁸ Приезд в Астрахань восточных патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и связанное с ними учреждение здесь митрополии: (Актовая речь). Киев, 1904.

⁴⁹ В честь какой иконы Казанской Божией Матери установлен праздник 22 октября?: (Утешение и ободрение скорбящим об утрате святыни). Киев, 1905.

⁵⁰ Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Тулικά. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. Киев, 1895.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

Все ли переслать Вам в Ленинград, или для некоторых книг укажете иные адреса? Конечно, все Ваши указания будут выполнены в точности. С любовью — иерей Василий Прилуцкий. ||

№9 от 12 ноября 1926 г. Л. 17

(л. 17) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

В дополнение к письму от 9 сего ноября сообщаю, что по полученным сведениям Н. С.⁵¹ уже вышел из больницы. Так консилиума и не было.

В. П[рилуцкий]. ||

№10 от 28 декабря 1926 г. Л. 18 – 19 об.

(л. 18) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Сегодня послал Вам Ваши книги, извлеченные из склада Григорием Григорьевичем⁵². Вина в умедлении всецело моя, так как аккуратнейший Григорий Григорьевич принес мне приготовленное для Вас недели две тому назад по первому моему слову.

Посылается все найденное, за исключением одного экземпляра Арсения Елассонского, удержанного, согласно Вашему распоряжению, для Влад[имира] Петровича⁵³. Григорий Григорьевич благодарит за предложенный экземпляр той же книги, но взять ее отказался, на том основании, || (л. 18 об.) что эта книга у него уже имеется. Для Алексея Афанасьевича, говорил он, я готов на всякую услугу в благодарность за полученное от него в студенческие годы. Вообще Григорий Григорьевич до того услужлив и бескорыстен, что чем-либо отблагодарить его, кроме доброго слова, всегда бывает невозможно.

Мне же позвольте проявить некоторое «корыстие». От любезно предложенного Вами экземпляра Арсения Елассонского отказался и я,

⁵¹ Гроссу Николай Стефанович (1867 — после 1942), протоиерей — выпускник КДА (1893), магистр богословия (1908); профессор КДА по кафедре гомилетики и истории проповедничества; служил в храме святителя Иоанна Златоуста КРПО; после его закрытия — во Владимирском соборе, затем — Георгиевской церкви (1925), Малом Софийском соборе (1926). В 1927, 1931, 1938 гг. подвергался арестам. Возможно, в 1943 г. уехал с семьей в Молдавию.

⁵² Попович Григорий Григорьевич (†1937) — выпускник КДА (1907), преподаватель КДА по кафедре еврейского языка и библейской археологии (1911), магистр богословия (1913).

⁵³ Владимир Петрович Рыбинский.

так как тоже имею в своей библиотеке эту книгу. Но недавно мой боярский книгоблеститель (к тому же и страстный книголюб) уведомил меня, что имеющийся в моей библиотеке экземпляр «Патмосских очерков» составлен из выемок из «Трудов» || (л. 19) и является дефектным (не достает нескольких страниц). Обращаюсь поэтому к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным уступить мне один экземпляр «Очерков»? Посылаю марки на пересылку⁵⁴. Если нельзя этого сделать, то не судите меня строго за притязательность на такую книгу, которая, по-видимому, составляет библиографическую редкость.

На днях виделся с о. Ив[аном] Церериным⁵⁵, который просил сообщить Вам, что патриаршей грамоты он у себя не нашел.

В Киеве все по-прежнему. Сегодня получил не совсем приятную || (л. 19 об.) весть о Вашем крестнике, но за непроверенностью этой вести писать о ней пока воздержусь.

Все Ваши киевские друзья и почитатели живы и здоровы.

О. Спиридон серьезно болен и не служит уже более месяца⁵⁶.

Преданный иерей Василий Прилуцкий ||

№11 [первая половина марта 1927 г.] Л. 23–24

(л. 23) Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Великое спасибо Вам за присылку лекций. Уже более недели прошло, как получил я их, а известить о получении собрался только теперь: по причине наступившей Св. Четырдесятницы приходится выну быть в церкви. По той же причине сейчас пока ничего не могу написать по по-

⁵⁴ Бандеролью. — Прим. прот. В. Прилуцкого.

⁵⁵ Церерин Иоанн Николаевич (1931), протоиерей — выпускник КДА (1898), писал под руководством А. А. Дмитриевского кандидатскую диссертацию на тему: «Суждения и определение Седьмого Вселенского Собора по вопросу об иконопочитании» (отзыв: ИПС КДА за 1897/98 уч. г. Киев, 1899. С. 394–395). Ключарь Киево-Софийский, после захвата Большого Софийского собора самосвятами служил в Малом Софийском соборе; расстрелян.

⁵⁶ Спиридон (Кисляков Георгий Степанович; 1875–1930), архимандрит — киевский священник, хотя и не учившийся в КДА, но тесно связанный с бывшими членами академической корпорации; основатель братства Иисуса Сладчайшего; сторонник некоторых нововведений для приближения богослужения к простым верующим (служение Литургии при отверстых вратах, использование русского языка, общей исповеди), но не примкнувший к обновленчеству.

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

воду сего издания, кроме покорнейшей просьбы не забывать меня в качестве абонента и при будущих выпусках.

Прочитать, конечно, я все прочитал... ощутил впечатление свежести и глубокого интереса.

Экземпляр φοῦρνος⁵⁷ передан || (л. 24) Скабаллановичу (в церкви), а Петру Павловичу передам сегодня, когда пойду к нему на предполагаемый доклад его «Об особенностях богослужения Александрийского Патриархата» (по книге И. И. Малышевского «Милетий Пигас»)⁵⁸.

Боюсь прогневать Вас напоминанием моей просьбы выслать один экземпляр «Патмосских очерков». Книга эта очень заинтересовала моего бóярского книгохранителя, и он покоя мне не дает по поводу ее отсутствия в моей библиотеке. Удобнее выслать книгу наложенным платежом.

Об убыли в рядах академических ветеранов (В. Н. Малинина, Вл. З. Завитневича) Вы, полагаю, уже знаете⁵⁹. Других новостей нет.

Преданный Вам иерей В. Прилуцкий

А где можно найти указания о мироварении? ||

№12 от 23 апреля 1927 г.

Начало письма — Ед. хр. 687. Л. 1 – 2 об.; окончание — ед. хр. 600. Л. 25 – 25 об.

(л. 1) Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Афанасьевич!

Воистину Воскресе Христос!

Чувствую, что Вы паки гневаетесь на меня... В самом деле — получив Ваши лекции, я доселе ничего путного еще не написал об этом дорогом подарке; даже во благовремени не обратился к Вам с радостным пасхальным приветом. Во всем этом приношу покаяние и ради Светлого праздника всепрощения молю преложить гнев на милость и выслушать мое несложное оправдание. В истекшую Св. Четыредесятницу, Страст-

⁵⁷ Речь идет о статье А. А. Дмитриевского: 'Ο ἄγιος φοῦρνος // Византийский временник. 1923–1926. Т. XXIV. Л., 1926. Прил. С. 139–140.

⁵⁸ *Малышевский И. И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской Церкви: В 2 т. Киев, 1872.

Речь идет о докладе П. П. Кудрявцева в Византологической комиссии.

⁵⁹ Подробно о кончине указанных профессоров — в письмах П. П. Кудрявцева: «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии...». С. 401–402.

ную, Светлую и отчасти Фомину недели я едва жив был от служб церковных и особенно от разных требоисправлений, которое умножились благодаря закрытию для православных еще двух храмов: на Соломинке и нашей церкви в Покровском монастыре. Достаточно сказать, что в праздник Благовещения я пробыл в церкви с 6 ½ ч. у. и до 3 ч. дня, и с 4 до 10 ч. веч. То же, если не большее, количество времени пришлось пробыть в церкви и на Вербное воскресенье, Вел[икий] Четверг, Великую Субботу и Пасху. Особенно отнимали силы массы исповедывающихся и причащающихся. Почему-то на мою долю пришлось и усиленное проповедывание (на Благовещение, напр[имер], должен был сказать две проповеди, за ранней и поздней Литургиями, да вечером еще провести беседу об акафисте Благовещенском). На Страстной проснулась старая певческая жилка: пользуясь хорошими голосами своих сослужбников, организовал в дополнение к клиросному алтарное сладкопение. Пасха — хождение по келлиям, разбросанным в большинстве на полу-горе, а там панихиды на горе. И все это при больном сердце. Как еще Господь помог выдержать! Только теперь, во вторую половину Фоминой недели, смог взяться за перо. Крайнее утомление еще не прошло, а потому извиняюсь и за «усталые» мысли.

Прежде всего — о Вашей ценной присылке — лекциях. Это не то, || (л. 1 об.) что Вы нам когда-то читали. Новизной и свежестью веет от каждой тетради. При этом чувствуются две вещи: необычайная широта и полнота сведений у автора и та трудность, которую приходилось преодолевать автору, чтобы использовать это колоссальное богатство сведений для ограниченных по времени лекций. Выбрано самое ценное и колоритное, дающее полную возможность видеть исторический рост данного отдела богослужения и чувствовать не механизмы этого роста, а настоящую жизнь. После таких лекций о богослужении нельзя говорить как о каком-то сухом и малопонятном нарастании одних частей над другими или о замене одних видов другими. Богослужение — это живое зеркало церковной жизни, в котором чувствительно отразились не только крупные события, но и даже мелкие штрихи и детали.

Хоть я и начал свое литургическое воспитание на Требнике, однако позднейшие мои симпатии на стороне т[ак] н[азываемого] общественного богослужения. Об этом богослужении присланы лишь кусочки (неужели же безвозвратно потеряны недостающие части?) И здесь на

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

первом плане обилие интересного исторического материала, что в связи с новыми объяснениями некоторых богослужебных терминов дает прекрасную картину исторического образования тех или иных отделов суточных служб и вместе с тем будит литургическую мысль к дальнейшим построениям. К примеру — объяснение слова *κάθισμα*. Краткое замечание о значении этого слова сразу же говорит о келейном (монастырском) применении Псалтыри как почти исчерпывающей богослужебной книги. А если сопоставить название *κάθισμα* для всех отделов Псалтыри и *στάσις* для отделов 118 псалма, то как будто будет найдено иное объяснение (чем то, какое дается в учебниках) о необходимой принадлежности 17-ой кафизмы субботному и недельному⁶⁰ богослужению: в прочие дни, когда богослужение || (л. 2) в древних монастырях исполнялось без священника, — келейные кафизмы, а в субботу и воскресенье, когда, благодаря присутствию священника, службы приобретали особый характер, — *στάσις*'ы (стояния, а не статьи) 118 псалма⁶¹. Как много дает одно лишь замечание по поводу богослужебного термина в Ваших прекрасных этюдах о суточных службах. Весьма ценно и то обстоятельство, что, подобно Скабаллановичу, только в ином исполнении, Вы разбиваете утреню на отделы и делаете характеристику каждому от-

⁶⁰ Что никоновские справщики устава исключили 17-ю кафизму из чина воскресной утрени для зимнего периода, заменив ее двумя полиелейными псалмами, то это простое недоразумение. 17-я кафизма — неотъемлемая принадлежность воскресной утрени в течение целого года, за исключением, конечно, Пасхи, — но ведь для нее и устав принят не монастырский, а иного типа. В зимнее время (с 22 сент[ября] по 20 дек[абря]), когда ночь длиннее, — утренья осложняется еще и полиелейными псалмами. По современному Типикону, когда для зимних воскресных утрень оставлены лишь два полиелейных псалма — происходит не удлинение, а сокращение утрени. Не особенно «лепо» — выбросить 17-ю кафизму и оставить прямое продолжение. — *Прим. прот. В. Прилуцкого.*

⁶¹ Необходимая принадлежность 17 кафизмы торжественным — субботней и воскресной — службам дает новое объяснение присутствию этой кафизмы в чинах погребения (и как их производного — в панихиде-парастасе). Ничего «мертвенного» в ней нет, а попала она в чин погребения потому, что в древности никаких особых чинов погребения не было, а над умершим совершали круг суточных служб (в последний для его земного, хотя и бездыханного, пребывания раз) и так как при этих службах присутствовал иерей для чтения молитв, то сие присутствие невольно заставляло исполнителей сделать похожей последнюю для умершего утреню — на священническую утреню субботы или воскресенья. А, м. б., и «отпевание» почившего брата в смысле совершения над ним суточных служб отлагали до субботы, когда выступал священник. — *Прим. прот. В. Прилуцкого.*

делу на основании исторических данных. Много мог бы написать по поводу каждого отдела Ваших лекций, — так они содержательны и преисполнены ценнейшего исторического материала, но это было бы уже не письмо, а нечто другое, для чего, конечно, потребно время. Позвольте только остаться мне при «Старопечатном» объяснении слова полиелей (полиелеос = сиречь многомилостиво), да не согласиться с Вашей характеристикой преп. Феодора Студита⁶² || (л. 2 об.) «как песнописца слезного покаяния и сурового поста». При сопоставлении триоди Феодора с триодью Иосифа получается обратное представление о Феодоре, как о песнописце «Светлого поста». Что касается антифонов-степенных, то вопрос о их принадлежности Иоанну или Феодору надежнее всего мог бы быть разрешен путем литературно-критического (или даже лингвистического) метода. Я в этом деле, при убожестве своего филологического образования, бессилён, но все же по некоему сходству степенных с эпиграммами пр. Феодора, а также по сходству «догматствования» третьих стихов антифонов (о Св. Духе) с догматствованием троичнов в канонах Феодора скорее отнес бы степенны к творчеству Феодора, нежели Дамаскина⁶³. При чтении отдела об утрени немного поскорбел о моем любимом виде древнего песнотворчества — кондаке, именно о том, что об этом виде как будто мало сказано (а кому же другому сказать, как не Вам?)

От отделов о суточных службах перешел я к отделам о таинствах Крещения и Миропомазания с сопутствующими чинопоследованиями

---

⁶² Продолжение предыдущего примечания: (или — выражаясь музыкальным термином — разрешение) ее — тропари «Ангельский собор удивися», поставив их почему-то после полиелейных псалмов, с которыми они ничего общего не имеют. Нет, старый Устав в этом отношении был последовательнее, а для ученых — историчнее. Круглый год на воскресной утрени — Непорочны (да у добрых старообрядцев еще и песенно, с припевом Аллилуия), по ним тропари по непорочных, а потом уже (если после 22 сент.) полиелейные псалмы, а для некоторых утрень еще и с прибавлением (припеваем) и третьего (136) псалма: «На реках Вавилонских», каковой псалом есть не что иное, как опять-таки удлинения утрени и никакого непосредственного отношения к неделям подготовительным не имеет. А посему напрасны потуги некоторых толкователей богослужения и проповедников изъяснять этот псалом в применении к Неделям блудного сына и прочим. — *Прим. прот. В. Прилуцкого.*

⁶³ Тут опять у меня возник рой мыслей о причинах присутствия степенных в чине иноческого погребения, — да об этом пока боюсь и писать, чтобы не получить охлаждающего оклика: Чадо, фантазии нет пределов, — а где же исторические данные? — *Прим. прот. В. Прилуцкого.*

«Союзом боязни связуем...» (письма протоиерея Василия Прилуцкого...)

и молитвами. Тут моему благоговейному удивлению и конца нет. Как много самых свежих и интереснейших сведений. Ведь после этих, 5-й и 6-й тетрадей, проф. Алмазову (кстати, — жив ли он?) нужно снова писать диссертацию о чинах таинств Крещения и Миропомазания, да и Кабрюлю, пожалуй, нужно переделать соответствующие артикли в его Литургико-археологическом словаре.

— (уже места не стало, — так расписался).

Кончая это нескладное писание, не могу не сказать о некоторой горечи, которая как-то невольнo всплыла после прочтения присланных лекций. ||

Окончание — ед. хр. 600. Л. 25 – 25 об.

(л. 25) Все эти перлы изготавливаются для «современных» слушателей богословских курсов и напечатаны на машинке. А что бы этот труд предпринять автору лет 15–20 тому назад, когда этот труд был бы достоянием не одних только «слушателей», да и преподнесен-то был бы в виде хорошо изданной книги. Ведь обилие научного материала у автора и 15 лет тому назад было то же. Но слава Богу и за то, что сокровища начинают износиться на свет Божий самим собирателем их. Какое чудное здание получается, когда созидает его мудрый архитектор сам из старательно и с превосходным знанием дела им же самим собранного строительного материала. Доселе собирался ценнейший материал так, как никто другой не мог бы его собрать, — а строил каждый молодец на свой образец. Должно быть, иногда больно бывало Вам смотреть на «строительство» из собранного Вами материала. Теперь началось настоящее строительство, и дай Бог Вам сил и еще многих лет, чтобы самому изнести на свет Божий Ваши сокровища «ветхая и новая».

Простите за многословие и не судите строго, если что не так сказал.

Преданный Вам иерей В. Прилуцкий ||

(л. 25 об.) В Киеве два новых протопресвитера: И. Н. Корольков и Златоверховников⁶⁴.

⁶⁴ Корольков Иоанн Николаевич (1845–1928), протоиерей — выпускник КДА (1869); магистр богословия; заслуженный экстраординарный профессор по кафедре греческого языка и его словесности; с 1910 г. на пенсии. Настоятель киевского Владимирского собора; после передачи его перешел со всем причтом в Георгиевскую Старо-Киевскую церковь, после захвата этой церкви обновленцами — в Малый Софийский собор (1926). Златоверховников Михаил Данилович (1842–1929), протоиерей — выпускник КДА

Н. Ю. Сухова

Петр Павлович по-прежнему трудится не покладая рук над уяснением того духовного наследия, которое оставила культуре наша Академия и вместе с тем тщательно продолжает собирать сведения о бывших питомцах Академии⁶⁵. Литургика для него с каждый днем становится милее. О Вас он говорит прямо-таки с сердечным умилением. Так поражает его Ваше научное жречество.

Книги-то я читаю (только безалаберно); без книги и дня не могу провести. Да только создавать-то ничего путного не могу. И виною — не лень, а, с одной стороны, погоня за несбыточным (все хочется нарисовать в воображении полную картину того, как то или иное было в древности), с другой, — крайний критицизм к себе, доходящий до болезненной мнительности. Так и пропустил лучшую пору своей жизни.

Может быть, и до свидания!

И[ерей] В[асилий] П[рилуцкий].

Жду с нетерпением присылки дальнейших выпусков лекций.

(1869), магистр богословия; настоятель кафедрального Киево-Софийского собора, после передачи его обновленцам служил в Малом Софийском соборе.

⁶⁵ О занятии П. П. Кудрявцева историей КДА и его литургических интересах подробнее см.: «Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской академии...» (Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929 гг.)) / публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. №2 (8). С. 377–423.